Понятие и правовая природа суррогатного материнства

Л. В. Зарапина¹, Н. Ю. Белокопытова², О. В. Дьяченко³

¹ Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, zarapinalv@mail.ru

² Институт сервиса, туризма и дизайна ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (филиал) в г. Пятигорске, г. Пятигорск, Российская Федерация, nb2018@mail.ru

³ Пятигорский институт (филиал) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», phalenopsis69@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются в контексте действующего законодательства теоретические подходы к определению понятия суррогатного материнства, его правовой природы, а также возникающие в правоприменительной практике проблемы правового регулирования института суррогатного материнства. Сделан вывод о том, что институт суррогатного материнства необходимо рассматривать как опосредованное медицинское вмешательство, заключающееся в выполнении медицинских манипуляций с психическим состоянием человека, и имеющего реабилитирующую направленность. При исследовании проблемы определения правовой природы суррогатного материнства авторы отмечают, что она определяется целью изучаемого института – преодолеть, вылечить бесплодие через призму улучшения качества жизни. Авторы приходят к выводу о том, что в российском обществе сложилось неоднозначное отношение к институту суррогатного материнства, а справедливость его существования в России оспаривается. Авторы не исключают в будущем возможного смещения акцента в правовом регулировании в пользу генетических родителей, но для этого в России необходимо упорядочить правовое регулирование в указанной сфере.

Ключевые слова: суррогатное материнство, правовая природа, лечение, улучшение качества жизни, метод экстракорпорального оплодотворения, вспомогательно-репродуктивные технологии, генетические родители

Для цитирования: Зарапина Л. В., Белокопытова Н. Ю., Дьяченко О. В. Понятие и правовая природа суррогатного материнства // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39, № 3. С. 103–108. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108

The concept and legal nature of surrogacy

Lydia V. Zarapina¹, Natal'ya Y. Belokopytova², Ol'ga V. Dyachenko³

¹ Russian state University of justice, Moscow, Russian Federation, zarapinalv@mail.ru

² Institute of service, tourism and design (branch) of Federal state Autonomous educational institution of higher professional education North-Caucasian Federal University in Pyatigorsk, Pyatigorsk, Russian Federation, nb2018@mail.ru

³ Pyatigorsk Institute (branch) of Federal state Autonomous educational institution of higher professional education North-Caucasian Federal University, Pyatigorsk, Russian Federation, phalenopsis69@mail.ru

Abstract. The article examines in the context of the current legislation the theoretical approaches to the definition of the concept of surrogacy, its legal nature, as well as the problems of legal regulation of the institution of surrogacy that arise in law enforcement practice. It is concluded that the institution of surrogate motherhood should be considered as an indirect medical intervention, which consists in performing medical manipulations with the mental state of a person, and has a rehabilitative orientation. When studying the problem of determining the legal nature of surrogacy, the authors note that it is determined by the purpose of the institution under study – to overcome and cure infertility through the prism of improving the quality of life. The authors conclude that the Russian society has an ambiguous attitude to the institution of surrogacy, and the validity of its existence in Russia is disputed. The authors do not rule out a possible shift in the legal regulation in favor of genetic parents in the future, but to do this, Russia needs to streamline the legal regulation in this area.

Keywords: surrogacy, legal nature, treatment, improvement of the quality of life, in vitro fertilization method, assisted reproductive technologies, genetic parents

For citation: Zarapina L. V., Belokopytova N. Y., Dyachenko O. V. The concept and legal nature of surrogacy. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2021, vol. 39, no 3, pp. 103–108. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108 (In Russ.).

В современном российском правовом поле идея суррогатного материнства является устоявшейся, однако концепция «лечения бесплодия» с помощью ВРТ и суррогатного материнства, в частности, не находит широкой общественной поддержки.

Для современной российской правовой действительности институт суррогатного материнства, выступая в качестве вспомогательной репродуктивной технологии (далее – ВРТ), имеет своей целью преодоление бесплодия. Об этом можно говорить постольку, поскольку ч. 1 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья [13] определяет ВРТ как методы лечения бесплодия, тогда как суррогатное материнство выступает одним из методов ВРТ. На данное положение указывает и корреспондирующий закону п. 70 Приказа Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [12].

Вышеприведённые правовые нормы определяют суррогатное материнство как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [4, с. 5]. Мы предлагаем понимать термины потенциальные, генетические и биологические родители как синонимичные, так как на это указывают пункт 70 Порядка использования ВРТ и отдельные судебные акты.

Каким же образом происходит лечение бесплодия посредством применения суррогатного материнства, если непосредственного медицинского вмешательства в воспроизводственную функцию организмов потенциальных родителей (родителя) не происходит? Ответ на данный вопрос позволит понять саму сущность суррогатного материнства в контексте современного российского законодательства.

Дефиниция «лечения» законодателем даётся довольно размыто (п. 8 ст. 2 Закона об основах охраны здоровья граждан) [5, с. 17]. Представляет научный интерес выделение в качестве цели лечения улучшение качества жизни и, как представляется, оно может толковаться довольно широко и субъективно: например, как создание для смертельно больного человека более комфортных условий существования и т.д.

Потенциальные родители выступают пациентами, нуждающимися в улучшении качества жизни посредством преодоления бесплодия. Проблемы с репродуктивным здоровьем могут возникать и у потенциальных родителей совместно, и по

отдельности у каждого. Г.Ю. Фоменко с психологической точки зрения отмечает, что бесплодие угрожает целостности личности бесплодного пациента [14, с. 147]. Поэтому можно провести видимую параллель между качеством жизни пациента и процедурой суррогатного материнства. Если ухудшение качества жизни пациента порождает невозможность иметь собственного ребёнка, то повышение, напротив, связывается с возможностью обращения к процедуре суррогатного материнства. Определению же правовой природы суррогатного материнства как одного из методов ВРТ корреспондирует его цель – лечение бесплодия пациента (пациентов), на которого накладывается деструктивный психологический аспект, дополняющий физическую невозможность зачатия и рождения ребёнка [11, с. 45].

Само же понятие суррогатного материнства выстраивается из определения п. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья и, по нашему мнению, оно прямо не указывает на целевое назначение суррогатного материнства. Учёные-правоведы ранее предпринимали различные попытки сформулировать собственное определение.

В частности, С.П. Журавлева рассматривает суррогатное материнство как один из видов ВРТ (в рамках ЭКО), заключающийся в переносе оплодотворенной яйцеклетки в матку женщины для вынашивания и рождения ребёнка [3, с. 12]. Но такой подход отражает сугубо медицинскую сторону вопроса, оставляя без внимания субъектный состав правоотношения суррогатного материнства и его цель.

Заслуживает внимания определение Е.С. Митряковой, позиционирующей суррогатное материнство как правовую взаимосвязь, возникающую между суррогатной (вынашивающей) матерью и супругами (заказчиками) по вопросам имплантации в организм суррогатной матери генетически чужого ей эмбриона для его вынашивания, рождения ребёнка и его последующей передачи заказчикам [6, с. 7]. В нём хоть и прослеживается аккумуляция правовой и медицинской точек зрения, однако не называются целевое назначение и указание на договор как основание возникновения правоотношений по суррогатному материнству.

Конституционные поправки от 2020 года устанавливают постулат, согласно которому дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 671 Конституции РФ). Как видим, рассуждение о суррогатном материнстве через призму таких семейных ценностей, как воспитание и благополучие ребёнка дополняет вышеуказанные научные трактовки. Отчаявшиеся невозможностью естественным образом зачать, выносить и родить ребёнка, потенциальные родители (родитель) прибегают к данной процедуре с одной лишь оправданной целью – преодолеть

бесплодие путём установления в будущем детско-родительских отношений, его вынашивания, рождения ребёнка и его последующей передачи заказчиком. Именно данный аспект позволяет признать наиболее удачным, с точки зрения универсальности, основанием возникновения которого является договор, с целью лечения бесплодия потенциальных родителей, для достижения ими в будущем установления детско-родительских правоотношений посредством рождения суррогатной матерью ребёнка [1, с. 45].

Таким образом, потенциальные родители выступают в качестве пациентов, которые не могут естественным путём зачать, выносить и родить ребёнка самостоятельно. Как предполагалось выше, суррогатное материнство не заключается в непосредственном медицинском вмешательстве в детородную функцию потенциальных родителей (родителя). Поэтому такое вмешательство следует считать опосредованным, заключающимся в выполнении медицинских манипуляций с психическим состоянием человека и имеющим реабилитирующую направленность. Многообразие подходов к понятию суррогатного материнства обусловлено желанием некоторых авторов рассмотреть термин с позиций медицины или права: как правоотношение, процедуру, социальное явление, медицинскую программу, метод (вид) ВРТ и т.д.

Правовая природа суррогатного материнства определяется целью – преодолеть, вылечить бесплодие через призму улучшения качества жизни. В то же время законодатель в п. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья прямо не определяет цель, которой руководствуются потенциальные родители при применении такой ВРТ.

В научной и учебной литературе не утихают дискуссии по поводу морально-этических основ суррогатного материнства ввиду отсутствия единого мнения к справедливости его существования в принципе [8, с. 30]. Зачастую общество отдельно взятой страны не приемлет привлечения в репродуктивный процесс третьего субъекта [7, с. 145]. Например, граждане не имеют права на судебную защиту по требованиям, вытекающим из договора коммерческого суррогатного материнства ввиду запрета на его заключение (например, Греция, Нидерланды). Более того, правопорядок ряда зарубежных стран признаёт любое вмешательство третьей стороны в детородную функцию противоправным (Франция, Германия) [3, с. 147]. Нетрудно догадаться, что судебные споры о происхождении детей только усиливают негативное отношение к процедуре суррогатного материнства.

Важно констатировать тот факт, что позиция российского законодателя относительно института суррогатного материнства не совсем однозначна. Можно с уверенностью утверждать, что однозначной позиции не выработали и российские парламентарии по вопросу дальнейшей судьбы сурро-

гатного материнства. В 2016 году законодательная инициатива депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ С.Ш. Мурзабаевой с предложением пересмотра приоритета права суррогатной матери на оставление рождённого ребёнка себе был отклонён. В 2017 году в Государственную Думу вносился законопроект от члена Совета Федерации А.В. Белякова и, как следовало из пояснительной записки к законопроекту, автор актуализировал предложение о полном запрете использования суррогатного материнства на территории России до выработки нового комплексного подхода к данному институту.

В 2018 году на рассмотрении Государственной Думой Федерального Собрания РФ уже был законопроект о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства. Между тем, указанный законопроект был отклонен, хотя в настоящее время прослеживаются попытки комплексного реформирования института суррогатного материнства.

Российские суды зачастую признают за суррогатной матерью её субъективное право на оставление себе ребёнка. По одному из таких случаев дело дошло до Конституционного Суда Российской Федерации. Из краткой фабулы гражданского дела в суде общей юрисдикции было ясно, что суррогатная мать Р. со своим бывшим супругом произвели запись о рождении ребёнка в органах ЗАГСа. Генетическим же родителям – Ч.П. и Ч.Ю. – в удовлетворении смежных требований к Р. и её бывшему супругу было отказано на том основании, что суррогатная мать (ответчица) не давала соответствующего согласия. Генетические родители настаивали на обязанности ответчиков не чинить препятствий в регистрации их в качестве родителей ребёнка. КС РФ ограничился вынесением определения об отказе в принятии к рассмотрению жалобы [9].

Не нарушается ли законодателем в таких спорах баланс конституционных ценностей родителей и ребёнка, когда забота о детях, их воспитание – это равное право и обязанность родителей; и если постулировать, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, то оправдывается ли взаимосвязанный с этими ценностями принцип равенства всех перед судом и законом (ст. 19, 38, 67 Конституции РФ)? По-видимому, вопрос остаётся открытым.

Интересны разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные им в п. 31 постановления от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» о том, что право оставить ребёнка себе не является безоговорочным правом суррогатной матери и может быть оспорено в суде. Таким образом, Суд демонстрирует приверженность

к соблюдению баланса интересов сторон, отводя важную роль воле родителей. Более того, нижестоящим судам предписывается в целях правильного рассмотрения дел проверять факт заключения договора о суррогатном материнстве и содержание условий такого договора; устанавливать генетическое родство истцов с ребёнком; выявлять причины отказа суррогатной матери в даче согласия на запись истцов в качестве родителей ребёнка с учётом установленных по делу обстоятельств.

Судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов с доктринальным подходом определяет позицию Пленума Верховного Суда как позицию с изъяном. Так как она носит достаточно общий характер, то при рассмотрении судами исков генетических родителей об установлении детско-родительских отношений велика вероятность разрешения данных споров в пользу генетических родителей. К тому же факт злоупотребления суррогатной матерью своими правами, влекущий существенное нарушение прав ребёнка, может осложняться и формальными обстоятельствами в виде наличия у биологических родителей лучших по сравнению с суррогатной матерью материально-бытовых, иных условий для развития и воспитания детей [10]. Нам видится, что такая постановка вопроса имеет место быть ещё и потому, что А.Н. Кокотов, как судья, не согласный с «отказным» Определением КС РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318-О, приводит в пример ситуацию заявителя по жалобе. Суррогатная мать родила и выносила двойню и, как установил суд общей юрисдикции,

ею был предпринят ряд действий, выразившихся в получении льгот в сфере жилищных отношений. Решение задачи по улучшению социально-бытовых условий суд связывает с оставлением суррогатной матерью рождённых детей себе. В действительности же кажется сложно выполнимой задача по выстраиванию судебной практики в одном направлении и по учёту всех аспектов, поэтому, очевидно, Пленум ВС РФ постарался разъяснить лишь важное.

Таким образом, справедливость существования суррогатного материнства в России оспаривается обществом. С одной стороны, данная процедура позиционирует себя как способ лечения бесплодия генетических родителей (родителя) и является выходом из трудной ситуации, с другой – прослеживаются тенденции к ограничению или запрещению суррогатного материнства в принципе на территории страны. Вопрос в приоритете права суррогатной матери определять дальнейшую судьбу ребёнка также носит дискуссионный характер, а подобные судебные тяжбы носят куда более весомый характер, чем иной гражданско-правовой спор. Как представляется, серьёзным упущением законодателя является соблюдение прав и законных интересов ребёнка и биологических родителей при имеющемся возвышении потенциальных интересов суррогатной матери. Возможное смещение акцента в пользу генетических родителей может быть в будущем, но для этого в России необходимо упорядочить правовое регулирование в указанной сфере.

Список источников

1. Алборов С.В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: монография. М., 2020. 240 с.
2. Гаджимагомедова Ш.С., Кухмазова А.Т. Правовое обеспечение суррогатного материнства: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2020. № 1. С. 143–149.
3. Журавлева С.П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
4. Кондратьев М.А., Яновский А.О., Борздо А.А. К вопросу о понятии суррогатного материнства // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 4–9.
5. Лебедева О.Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2. С. 16–20.
6. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 23 с.
7. Мосиенко Т.А., Лысогорская К.И., Федоренко О.С., Щекина Е.Н. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве // Вестник Ростовского гос. эконо. ун-та. 2016. № 4 (56). С. 142–148.
8. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1. С. 29–39.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния: определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. №880-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052012-n-880-o-ob/> (дата обращения: 20.04.2021).

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2318-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/> (дата обращения: 20.04.2021).

11. Очирова Э.С. О понятии суррогатного материнства в законодательстве Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2020. № 14 (92). Ч. 1. С. 43–46.

12. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н (зарегистрирован в Минюсте России 19 октября 2020 г. № 60457). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/> (дата обращения: 20.04.2021).

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: в ред. от 22 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

14. Фоменко Г.Ю. Психологические аспекты женского бесплодия в ракурсе экзистенциальной проблематики // Кубанский научный медицинский вестник. 2006. № 5. С. 144–147.

References

1. Alborov S.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie surrogatnogo materinstva: monografiya [Legal and individual regulation of surrogate motherhood]. Moscow, 2020. 240 p. (In Russian).

2. Gadzhimagomedova Sh.S., Kukhmazova A.T. Pravovoe obespechenie surrogatnogo materinstva: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Legal provision of surrogate motherhood: Russian and foreign experience], *Obrazovanie i pravo [Education and law]*, 2020, no. 1, pp. 143–149. (In Russian).

3. Zhuravleva S.P. Pravovoe regulirovanie dogovora o surrogatnom materinstve v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of the contract on surrogacy in the Russian Federation, Cand. Law sci. diss. Abstr.], Moscow, 2011. 27 p. (In Russian).

4. Kondrat'ev M.A., Yanovskii A.O., Borzdo A.A. K voprosu o ponyatii surrogatnogo materinstva [On the concept of surrogacy], *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2020, no. 13, pp. 4–9. (In Russian).

5. Lebedeva O.Yu. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya vspomogatel'noi reproduksii v svete novogo Federal'nogo zakona "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii" [Some problems of Legal regulation of assisted reproduction in the light of the new Federal Law "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation"], *Meditinskoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 16–20. (In Russian).

6. Mitryakova E.S. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of surrogacy in Russia, Cand. Law sci. diss. Abstr.], Tyumen', 2006. 23 p. (In Russian).

7. Mosiyenko T.A., Lysogorskaya K.I., Fedorenko O.S., Shchekina E.N. Sravnitel'nyi analiz instituta surrogatnogo materinstva v rossiiskom i zarubezhnom zakonodatel'stve [Comparative analysis of institute surrogate motherhood in Russian and foreign legislation], *Vestnik Rostovskogo gos. ekonom. un-ta*. 2016, no. 4 (56), pp. 142–148. (In Russian).

8. Momotov V.V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimeneniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the context of legislation and enforcement (surrogacy)], *Lex Russica (The Russian Law)*, 2019, no. 1, pp. 29–39. (In Russian).

9. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Ch.P. i Ch.Yu. na narushenie ikh konstitutsionnykh prav polozheniyami punkta 4 stat'i 51 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya": opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15 maya 2012 g. №880-O [Refusal to accept for consideration the complaint of the citizens of the C. P. and C. Yu. a violation of their constitutional rights provisions of paragraph 4 of article 51 of the Family code of the Russian Federation and paragraph 5 of article 16 of the Federal law "On acts of civil status": definition of the constitutional Court of 15 may 2012 No. 880-O]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052012-n-880-o-ob/> (accessed 20.04.2021). (In Russian).

10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan S.D. i S.T. na narushenie ikh konstitutsionnykh prav punktom 4 stat'i 51, punktom 3 stat'i 52 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, punktom 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya», chast'yu 9 stat'i 55 Federal'nogo zakona «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 sent. 2018 g. № 2318-O [On refusal to accept for consideration the complaint of citizens of S.D. and S.T. on violation of their constitutional rights by paragraph 4 of Article 51, paragraph 3 of Article 52 of the Family Code of the Russian Federation, paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law "On Acts of Civil Status", part 9 of Article 55 of the Federal Law "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 27. 2018 No. 2318-O]. Available

at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092018-n-2318-o/> (accessed 20.04.2021). (In Russian).

11. *Ochirova E.S.* O ponyatii surrogatnogo materinstva v zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [On the concept of surrogacy in the legislation of the Russian Federation], *Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]*. 2020, no. 14 (92), part 1. pp. 43–46. (In Russian).

12. O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii, protivopokazaniyakh i ogranicheniyakh k ikh primeneniyu: prikaz Minzdrava Rossii ot 31 iyulya 2020 g. № 803n (zaregistrirovann v Minyuste Rossii 19 oktyabrya 2020 g. № 60457) [On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their Use: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 803n dated July 31, 2020 (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on October 19, 2020 No. 60457)]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/> (accessed 20.04.2021). (In Russian).

13. Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 21 noyab. 2011 g. № 323-FZ: v red. ot 22 dek. 2020 g. [On the basics of public health protection in the Russian Federation: RF Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ: as amended on December 22, 2020], *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russian).

14. *Fomenko G.Yu.* Psikhologicheskie aspekty zhenskogo besplodiya v rakurse ekzistentsial'noi problematiki [Psychological aspects of female infertility in the perspective of existential problems], *Kubanskii nauchnyi meditsinskii vestnik*. 2006. no. 5. pp. 144–147. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарапина Лидия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Российская Федерация. *E-mail: zarapinalv@mail.ru*

Белокопытова Наталья Юрьевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (филиал) в г. Пятигорске, г. Пятигорск, Российская Федерация. *E-mail: nb2018@mail.ru*

Дьяченко Ольга Викторовна, доцент кафедры конституционного и административного права Пятигорский институт (филиал) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация. *E-mail: phalenopsis69@mail.ru*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zarapina Lydia Vladimirovna, candidate of law, associate professor department of civil law, Federal state budget institution «Russian state University of justice», Moscow, Russian Federation. *E-mail: zarapinalv@mail.ru*

Belokopytova Natal'ya Yur'evna, the senior teacher of Chair of Civil Law and Process Department of the Institute of service, tourism and design (branch) of Federal State Autonomous educational institution of higher professional education «North-Caucasian Federal University» in Pyatigorsk, Pyatigorsk, Russian Federation. *E-mail: nb2018@mail.ru*

Dyachenko Ol'ga Viktorovna, associate Professor of constitutional and administrative law Pyatigorsk Institute (branch) of Federal state Autonomous educational institution of higher professional education North-Caucasian Federal University, Pyatigorsk, Russian Federation. *E-mail: phalenopsis69@mail.ru*

*Поступила в редакцию 30 апреля 2021 г.
Received 30 April, 2021*